

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-6-12
УДК 303.01(045)

Современная российская политическая элитология: парадигмальный и инклюзивный ракурсы развития

А.В. Понеделков^а, А.М. Старостин^б, Я.А. Пляйс^с

^а Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия;

^б Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется развитие политико-элитологической мысли как особой парадигмы в политической науке. Ее специфика – в репрезентации наиболее значимого субъектного триггера политического процесса. Авторы рассматривают основные моменты развития политической элитологии в современной России. Особое внимание уделяется Ростовской научной школе политической элитологии. Выделены наиболее значимые научные положения и характеристики, предложенные в рамках этой школы: цивилизационная обусловленность элитогенеза; принцип элитологической парадигматизации в политологии; протоэлитный статус современного элитообразующего процесса; факторы элитной маргинализации; новые тенденции элитообразующего процесса; роль постмодернистской методологии в современной элитологии.

Ключевые слова: парадигмальность; инклюзивность; научные школы в элитологии; элиты; протоэлиты; маргинализация элит; элитистская парадигма; глубинные элиты; криптоэлиты; элиты сферы виртуальных интеракций; постмодернистский подход в элитологии

Для цитирования: Понеделков А.В., Старостин А.М., Пляйс Я.А. Современная российская политическая элитология: парадигмальный и инклюзивный ракурсы развития. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-6-12

ORIGINAL PAPER

Modern Russian Political Elitology: Paradigmatic and Inclusive Perspectives of Development

A.V. Ponedelkov^a, A.M. Starostin^b, Ya.A. Plyais^c

^a South Russian Institute of Management, Branch of RANEP, Rostov-on-Don, Russia;

^b Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia;

^c Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the development of political – elitist (elitological) thought as a special paradigm in political science. Its specificity lies in the representation of the most significant subjective trigger of the political process. The authors consider the main points of the development of political elitology in modern Russia. Special attention is paid to the Rostov Scientific School of Political Elitology. The most significant scientific provisions and characteristics proposed within the framework of this school are highlighted: the civilizational conditionality of elitogenesis; the principle of elitological paradigmaticization in political science; proto-elite status of the modern elite-forming process; factors of elite marginalization; new trends of the elite-forming process; the role of postmodern methodology in modern elitology.

Keywords: paradigmality; inclusivity; scientific schools in elitology; elites; proto-elites; marginalization of elites; elitist paradigm; deep elites; crypto-elites; elites of the sphere of virtual interactions; postmodern approach in elitology

For citation: Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Plyais Ya.A. Modern Russian political elitology: Paradigmatic and inclusive perspectives of development. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-6-12

В свое время, лет 15 тому назад, считалось, что «научной и другой литературы об элитах создано уже достаточно много. Тема «элиты» — одна из самых разработанных, что совершенно оправданно» [1, с. 294]. Сейчас, однако, стало ясно, что после первого этапа (образно говоря, этапа «захвата территорий»), во время которого работ по элитологической тематике было опубликовано немало, переход на следующий этап — «освоения территорий» — оказался гораздо менее динамичным и глубоким. Феноменологический аспект, включающий наблюдение, описание, даже измерение, движется, а эссенциальные суждения, по существу, недостаточно глубоки, а то и поспешны, что не позволяет успешно переходить на прикладной, конструктивистский уровень и добиваться повышения значимости и качества элитного рекрутинга.

На наш взгляд, коррекция в указанном направлении требуется как в парадигмальном, так и в инклюзивном направлении. Поясним, о чем идет речь.

Под парадигмальностью понимается движение на фундаментально научном уровне в рамках той или иной элитологической парадигмы (классической или современной) либо авторитетной научной школы, или «азимута», задаваемого некой «фабрикой мысли». В классическом ключе современная российская элитология пока следует западным канонам изучения элит и их роли в принятии стратегических политических решений. Это естественно, поскольку данный раздел социально-политической мысли развивался на Западе и был одним из основных оппонентов марксистской политической парадигмы, в которой доминировала и иная платформа интерпретации и объяснения политической динамики. Что касается досоветской элитологической традиции, которая по части приоритетности в рамках мировой элитологии возникла практически одновременно с западной (если не чуть раньше), то она не популяризовалась много десятилетий. И о ней вплоть до 90-х гг. XX в. было известно совсем не много.

Современная российская элитология, в том числе и политическая, на парадигмальном уровне только формируется. Это — инклюзивный аспект, который предполагает присутствие оригинальных инновационных позиций, выдвигаемых в рамках современной отечественной политической и социальной мысли. И здесь имеется одна немаловажная особенность. Она связана с динамичностью и инклюзивностью самих российских и социальных трансформаций — тем, что еще недавно называ-

лось «переходным периодом». Как правило, имелся в виду конвергентный характер переходности, что на деле означало встраивание России в западную экономическую и политическую систему. Во всяком случае, в общем плане 15–20 лет назад было понятно, что «в переходные эпохи, которые всегда представляют смутные времена разной степени сложности, отлаженные в досмутные годы механизмы формирования политических и иных элит либо вообще отбрасываются, либо значительно трансформируются и видоизменяются» [1, с. 293]. Но контекстуально предполагалось, что в конце этого «тоннеля смутности» брезжит свет классической конкурентной демократии, правосообразности и рыночных экономических отношений, в подчинение которому и будет двигаться желаемый процесс постсоветского элитогенеза. На деле же оказалось, что страна все активнее стала встраиваться в свою колею цивилизационного развития, что обозначило не только инклюзивные координаты России в глобальном сообществе, ее собственный «полюс» (геополитический, геоэкономический и геокультурный), но и потребовало инклюзивных инноваций в теоретическом поле современного гуманитарного знания. С нашей точки зрения современная российская политическая элитология концептуально оказалась наиболее готова к инклюзивному развитию, хотя учитывает и мировую традицию.

* * *

Показывая роль и место политической элитологии в системе современного российского политологического знания, мы, вместе с тем, хотели бы репрезентировать новую монографию «**Очерки политической элитологии**», в которой данная тема представлена развернуто и ее освещение основано на 25-летнем опыте авторских элитологических исследований [2].

Начнем с общих определений об элитах и элитологии.

Элита, согласно этимологии слова, — лучший, отборный, наиболее влиятельный слой, группа какого-либо устойчивого сообщества, если говорить об обществе и общественных отношениях. Элитология вообще и политическая элитология в частности — область научных знаний, активно разрабатываемая в гуманитарно-научном знании по меньшей мере последние 150 лет. Хотя (и на это надо обратить особое внимание) элитологическая доктрина так или иначе проявляла себя задолго до этого в трудах Платона и Аристотеля, Конфуция, мыслителей Средневековья и Нового времени, что

можно рассматривать в качестве идейных предпосылок элитологии.

Претензия на научный статус в западноевропейской научно-гуманитарной традиции заявлена была, пожалуй, в качестве альтернативы марксистской социально-классовой доктрины, получившей массовое распространение в конце XIX — начале XX в. Она приобрела политико-социологическое обоснование в трудах Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса. В то же время, если говорить об отечественном гуманитарном знании этого периода, над элитологической доктриной активно работали известные русские историки, правоведы, философы: Б.Н. Чичерин, В.О. Ключевский, К.А. Скальковский, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин.

Поскольку элитологическая доктрина оппонировала марксистской, то в советской России вплоть до конца 80-х гг. XX в. элитологические исследования не велись или об этом говорилось в завуалированной форме либо в качестве «критики буржуазных учений». Так, именно с такой критики зарубежных элитологических исследований начинал один из основоположников современной российской элитологии профессор Г.К. Ашин [3].

В то же время труды влиятельных западных элитологов переводились и издавались с грифом «Для научных библиотек» [4–6]. С 90-х гг. XX в. стали активно вестись российские элитологические исследования, затрагивавшие в первую очередь деятельность политических элит. Были защищены первые докторские диссертации (А.В. Понделков — 1995 г.; О.В. Гаман-Голутвина — 1998 г.; А.К. Магомедов — 2000 г.; М.Ю. Мартынова — 2001 г.; Э.А. Зелетдинова — 2003 г.; А.М. Старостин — 2003 г.; С.С. Восканян — 2004 г.; Н.Ю. Лапина — 2004 г.) [1, с. 408]. В будущем появились научные школы, группы, направления элитологического плана. Выделились научные лидеры в этой области.

Таков в общих чертах основной контекст элитологических исследований, сформировавшийся в отечественной политологии за постсоветский период. В его рамках в 1995–2022 гг. происходило развитие центра политико-элитологических исследований в г. Ростове-на-Дону и Ростовской научной элитологической школы под руководством профессоров А.В. Понделкова и А.М. Старостина (т.е. более четверти века). Данная научная школа реализована в результатах диссертационных исследований (их более 30 собственно по элитологии и около 250 в общем объеме), в большом массиве монографических и иных публикаций (всего более 500), в регулярно проводимых научных конферен-

циях и четырех Всероссийских элитологических конгрессах, проведенных в г. Ростове-на-Дону в 2013–2022 гг. Школа зарегистрирована в общероссийском банке научных школ.

Институциональной основой проведения элитологических исследований в г. Ростове-на-Дону выступают кафедра политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС (основана в 1998 г.) и факультет политологии (основан в 2011 г.).

Учебно-методической базой поддержки Ростовской научной элитологической школы и политологического образования в ЮРИУ РАНХиГС в целом выступает ряд учебников и учебных пособий по политологии и политической элитологии¹, подготовленных на базе кафедры и факультета. В частности, несколькими изданиями вышло едва ли не единственное в стране учебное пособие по политической элитологии [7].

В качестве определенного подведения итогов длительных исследований авторы подготовили монографию «Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии», где изложили сюжеты, основанные на исследованиях последних лет и отражающие в концептуальном плане авторскую позицию касательно элитобразующих процессов и их влияния на общество.

В центре внимания авторов монографии находится *принцип элитного детерминизма*, который, с их точки зрения, вполне эквивалентен марксистскому принципу классового детерминизма. В таком случае, основываясь на разработках Ростовской элитологической школы, вполне логично говорить об элитологической парадигме в политологии. Как отмечает профессор О.В. Гаман-Голутвина, «обобщения в этой области позволили авторам прийти к выводу о формировании в политической науке последнего времени элитологической исследовательской парадигмы» [8, с. 392].

Что касается конкретизации принципов, на которых базируется элитологическая парадигма, то на теоретическом уровне речь может идти о той или иной коллективной или авторской элитологической концепции. Обозревая те из них, что появились в нашей элитологической мысли и получили известность, отметим следующие: концепции региональных элит Санкт-Петербургской и Ростовской элитологических школ, концепцию этнократических

¹ Ашин Г.К., Понделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. Учебное пособие для студентов вузов. Акад. полит. науки, Сев.-Кавк. акад. гос. службы. М.: ПРИОР; 1999. 302 с.

элит М.Х. Фарушкина, концепцию социально-управленческих типов взаимодействия элит А.Е. Чириковой и Н.И. Лапиной, культурно-исторических типов элит О.В. Гаман-Голутвиной, концепцию ценностной обусловленности деятельности элит А.К. Магомедова. Практически везде просматривается не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода. Иными словами, мы имеем дело и с конкретно теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиций элитологии.

Именно на этих аспектах мы концентрируем свое внимание. Естественно, авторские интерпретации различаются, что мы и постарались отразить в последней работе.

Дабы не детализировать характеристики новых подходов к исследованию российских элит, обозначим наиболее значимые моменты, которые мы полагаем определенным вкладом в отечественную элитологию и, вместе с тем, достаточно инклюзивным в содержательном плане. Но прежде обозначим тот общий контекст, из которого мы исходим, касаясь динамики российского элитогенеза.

В развитии российских политических элит, имея в виду историческую ретроспективу, можно выделить несколько периодов:

- период сословных элит российского традиционного общества;
- советские номенклатурные элиты;
- постсоветские протодемократические элиты переходного периода от социализма к периферийному капитализму;
- современные политико-административные элиты (элитная политическая бюрократия — постсоветская политическая номенклатура);
- формирующаяся консервативно-политическая протоэлита, которая может быть обозначена как российская цивилизационная протоэлита.

Выделяя те новые моменты, на которые мы обратили пристальное внимание и которые могут считаться принципиально новыми в нашей отечественной элитологии, мы хотели бы заметить следующее.

Как уже говорилось выше, около 20 лет назад мы впервые обозначили сформированность и растущую значимость «*элитологической парадигмы*» в политической науке. Сейчас некоторые маститые политологи уже не упоминают, под чьим «флагом»

данный конструкт вошел в нашу политическую науку, хотя ранее делали это. Так, например, 15 лет назад ведущий отечественный элитолог О.В. Гаман-Голутвина подчеркивала: «Объектом исследований основателей ростовского центра элитологии А.В. Понеделкова и А.М. Старостина стали уточнение основных принципов элитистской парадигмы: изучение социального и антропологического факторов детерминации элит, цивилизационного своеобразия и принципов циркуляции элит, механизмов элитогенеза, а также разработка проблемы идеалов и норм научной рациональности, методологической референтности исследований. Обобщения в этой области позволили авторам прийти к выводу о формировании в политической науке последнего времени элитологической исследовательской парадигмы» [9, с. 50].

В 2019 г. в фундаментальном издании «Современная политическая наука. Методология» тот же автор публикует главу «Элитоцентрическая парадигма исследования политики» [10, с. 409] со ссылкой на зарубежного автора 2010 г., как бы первооткрывателя. Но первооткрыватели у этого концепта все же российские, и это пример концепта, инклюзивного по своему характеру:

1. Мы впервые обозначили и обосновали **цивилизационную обусловленность** элитообразующего процесса в традиционной и современной России. Еще в первых работах обращалось внимание на цивилизационную матрицу элитогенерирующего процесса². Сейчас, в период борьбы за всестороннюю суверенизацию России, когда мы перестаем подражать западным элитам, это становится все более ясно.

2. Лет пятнадцать назад нами было высказано предположение о том, что в условиях конвергенции России и Запада у нас пока не сформировался элитный слой в области государственной власти и политического управления. И группа людей, которая выдвинулась в «верхи» по статусно-позиционному (альтиметрическому) признаку, может быть названа **протоэлитной**. А далее — время покажет.

3. Представлены **процессы маргинализации** российских элит. Они связаны с попытками ускорить политико-эволюционные процессы как в советский период, так и в постсоветские време-

² Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Спецкурс. Учебное пособие. Сев.-Кавк. акад. гос. службы, ИППК [гуманитар. и соц. наук] при РГУ. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кавк. акад. гос. Службы; 1998. 123 с.

на. А на деле за последние 100 лет в российской власти по меньшей мере дважды производилась перегруппировка «верхов». И на деле мы по сей день имеем дело не с элитными по существу группами и слоями, а с медитократией (средний слой, «средняки»). Наблюдаемый элитообразующий процесс является квазиэлитообразующим, основанным лишь на статусно-позиционном (альтимеритическом) механизме, — иные и в первую очередь связанные с качествами высокой духовности, незаурядной политической воли и интеллекта, блокируются. Доминирует подход: «Незаменимых людей нет», а когда начнет действовать: «Незаменимые люди есть!», элитогенез резко ускорится. На это указывали еще выдающиеся отечественные элитологи начала XX в.

4. Из работ периода 2010–2020-х гг. укажем те, где изучаются механизмы формирования **«глубинных элит»**.

Об этой фракции глобальных и национальных элит следует сказать особо, ибо, как и в случае расщепления функций по обладанию и обслуживанию власти и богатства в ведущих странах мира, в особенности со второй половины 50-х гг. XX в., опережающими темпами развивались спецслужбы. Вначале они обслуживали интересы доминирующих политических и бизнес-элит в рамках тайных, засекреченных операций в сфере межгосударственных отношений, вели разведку в государствах-конкурентах и на собственной территории, поддерживали крупные акты по подрыву государственной власти в странах-противниках. А потом «хвост» все чаще стал вилять «собакой», осуществляя акции по смене лидеров на тех, кто оказывался выгоднее элитному слою или группе в спецслужбах. Они входили в число ведущих политических и экономических акционеров, а затем стали выстраивать и свои интернациональные и тайные закрытые элитные альянсы, прибирая к рукам власть и собственность в глобальных и национальных масштабах [11, с. 45].

О скрытом альянсе элитных политиков, олигархов и руководителей спецслужб писали известный историк А.И. Фурсов, представитель новой сферы знаний — криптоаналитики И.И. Смирнов и ряд других исследователей [12], подчеркивающих быстро нарастающее влияние относительно новой элитной фракции — **криптоэлит**.

Новая миссия глобальных криптоэлит выросла из функции спецслужб, направленной на налаживание закрытых каналов взаимодействия национальных элит по обеспечению проблем безопасности и пре-

дотвращению смертоносных межгосударственных конфликтов в условиях «границ роста войны». Впоследствии эта функция позволила оформить самодостаточное позиционирование криптоэлит и выход на публичные властные позиции их представителей, прежде всего в США, СССР и постсоветской России.

Похожий процесс набирает силу и темпы в области сферы информационных коммуникаций. Здесь элитная группа владельцев и менеджеров СМИ, компьютерных компаний, обслуживающих интернет- и другие электронные коммуникации, все более отчетливо занимает позиции глобального регулятора политических и экономических процессов и событий. Функции по обеспечению взаимодействия реальных элит с виртуальной реальностью обособились в самодостаточную сферу информационной и информационно-постановочной платформы и, соответственно, сформировался капитал информационно-виртуальных платформ, сопоставимый с возможностями капитала реальной экономики и финансовым капиталом.

Элиты сферы виртуальных интеракций ныне вполне конкурентоспособны по своим управленческим возможностям с элитами власти и богатства (бизнеса).

5. Еще одна существенно значимая авторская новация связана с поисками новых методологических ориентиров в отечественной и мировой элитологии. Мы ее зафиксировали и ее суть состоит в следующем.

В последние годы методологический репертуар, ориентированный на анализ формирования политических верхов и их социальной базы, стал расширяться под влиянием **постмодернистских подходов**.

Здесь происходит постепенное замещение идеалов и норм рационально-инструментированных исследований на иные подходы. Во-первых, это сказывается на культивируемых ранее прогрессистских ценностях и нормах рациональной бюрократии. Постмодернистские взгляды, начавшие формироваться в политике и политологии под воздействием активных проявлений кризисов индустриализма второй половины XX в., ориентированы на иррациональные проявления (воля, интуиция, подсознательная аскрептивность, харизма и т.п.) в индивидуальном и групповом поведении. Во-вторых, характерным моментом выступает ориентация на инволюционные и инверсионные тренды развития, «устойчивое развитие» и формирование соответствующих социальных и властных структур:

кланов, каст, клик. С учетом действия иррационально-когнитивных механизмов властвования и социального регулирования формируется дискурс типа «властные касты и этнологические роли их доминирования» [13, 14]. Поэтому уже устоявшийся этнологический дискурс требует пополнения его инструментария элементами постмодернистской парадигмы политического властвования.

В-третьих, политический постмодернизм ушел от политического реализма, основанного на рациональном знании, заменив его мозаичным конгломератом ярких идей, ориентацией на модели и симуляции, сочетанием и равноположением образа и прообраза, наблюдаемого и воображаемого.

Завершая изложение авторских результатов и позиций в области элитологии, мы хотели бы подчеркнуть, что выделенные позиции и концепты

носят инклюзивный характер, а современная российская элитология способна давать конструктивные ответы на вопросы, касающиеся определения путей развития общества и значимых импульсов на этих траекториях. Она касается элитной части общества и его лидеров. Это если и не главная причина социального развития, «тела цивилизации», то его «акупунктурная точка». Определив эту «точку», можно понять устройство «приводных механизмов», ведущих от нее, и познать многое в стратегии социального развития. Если элиты — «правильные», то можно уловить стратегические моменты в развитии и его ускорении. А если — «неправильные», то понятно, почему история делает новый зигзаг. При этом также имеет значение качество «элитного слоя» и смелость элитологических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН; 2009. 448 с.
2. Понеделков А.В., Старостин А.М. Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС; 2023.
3. Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения; 1985. 256 с.
4. Дай Т.Р., Зиглер Х.Л. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. Пер. с англ. М.: Юридическая литература; 1984. 320 с.
5. Миллс Р. Властвующая элита. Пер. с англ. М.: Иностранная литература; 1959. 453 с.
6. Нарта М. Теория элит и политика: К критике элитаризма. Пер. с чешск. М.: Прогресс; 1978. 236 с.
7. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Изд. 4-е. М.: Изд-во «Ленанд»; 2018. 520 с.
8. Айвазова С.Г., Ачкасов В.А., Воробьев Д.М. и др. Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация: монография. М.: РОССПЭН; 2017. 476 с.
9. Малинова О.Ю. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы. Сборник. М.: РОССПЭН; 2008. 463 с.
10. Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., отв. ред. Современная политическая наука. Методология. 2-е дополн. изд. М.: Аспект Пресс; 2019. 773 с.
11. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм; 2003. 415 с.
12. Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2020. 473 с.
13. Кролл А. Теория каст и ролей. М.: Изд-во «БОМБОРА»; 2022. 192 с.
14. Уилкерсон И. Касты. Истоки неравенства в XXI веке. М.: Эксмо; 2022. 512 с.

REFERENCES

1. Pleis Ya.A. Political science in the context of the transitional era in Russia. Moscow: ROSSPEN; 2009. 448 p. (In Russ.).
2. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Elitogenesis and elite positioning in the context of the formation of new power orders. Essays on political elitology. Rostov-on-Don: Publishing house YURIU RANEPА; 2023. (In Russ.).
3. Ashin G.K. Modern Theories of the Elite: A Critical Essay. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya = International relations; 1985. 256 p. (In Russ.).
4. Dai T.R., Ziegler H.L. Democracy for the Elite: An Introduction to American Politics. Transl. from Eng. Moscow: Yuridicheskaya literature = Literature on Law; 1984. 320 p. (In Russ.).
5. Mills R. The ruling elite. Transl. from Eng. Moscow: Inostrannaya literature = Foreign literature; 1959. 453 p. (In Russ.).
6. Narta M. Theory of elites and politics: Towards a critique of elitism. Transl. from the Czech language. Moscow: Progress; 1978. 236 p. (In Russ.).

7. Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Kislitsyn S.A. Fundamentals of political elitology. 4th edition. Moscow: Publishing house “Lenand”; 2018. 520 p. (In Russ.).
8. Aivazova S.G., Achkasov V.A., Vorobyov D.M. and others. Trends and problems of the development of Russian political science in the global context: tradition, reception and innovation. A monograph. Moscow: ROSSPEN; 2017. 476 p. (In Russ.).
9. Malinova O. Yu. Political Science in Russia: Problems, Directions, Schools: Collection. Moscow: ROSSPEN; 2008. 463 p. (In Russ.).
10. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I., responsible editor. Modern political science. Methodology. 2nd, revised edition. Moscow: Aspect Press; 2019. 773 p. (In Russ.).
11. Panarin A.S. The temptation of globalism. Moscow: EKSMO: Algorithm; 2003. 415 p. (In Russ.).
12. Smirnov I.I. Paths of history. Cryptanalytics of deep power. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij = Partnership of scientific publications KMK publications; 2020. 473 p. (In Russ.).
13. Kroll A. Theory of castes and roles. Moscow: Publishing house “BOMBORA”; 2022. 192 p. (In Russ.).
14. Wilkerson I. Castes. The origins of inequality in the 21st century. Moscow: Eksmo; 2022. 512 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Васильевич Понеделков — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия
Alexander V. Ponedelkov — Dr. Sci. (Politicalology) (Doctor of Political Sciences), Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration RANEPА, Rostov-on-Don, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5447-1647>
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Александр Михайлович Старостин — доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
Alexander M. Starostin — Dr. Sci. (Politicalology), Professor, Leading Researcher, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6589-244X>
amstar2912@mail.ru

Яков Андреевич Пляйс — доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор-исследователь департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Yakov A. Plyais — Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Politicalology), Professor, Research Professor of the Political Science Department, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5837-0256>
Автор для корреспонденции / Corresponding author:
uplyas@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.05.2023; принята к публикации 25.06.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 25.05.2023; accepted for publication on 25.06.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.